

Проект издательского дома “Эпоха”

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Абуталиб Гафиров

АБУТАЛИБ СКАЗАЛ...

А ЗАПИСАЛ РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Абуталиб Гафуров
Абуталиб сказал... А записал
Расул Гамзатов (сборник)
Серия «Литературный Дагестан»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8671613

*Абуталиб Гафуров. Абуталиб сказал... А записал Расул Гамзатов
(сборник): ИД «Эпоха»; Махачкала; 2009
ISBN 978-5-98390-063-9*

Аннотация

Меня попросили написать предисловие к книге народного поэта Дагестана Абуталиба Гафурова. Я, откровенно говоря, вначале растерялся: не литературовед, не критик, поднаторевший в этом, чего, мол, это они хотят от меня? Меня прижали: ты лично с ним был знаком, нам не надо ни литературоведения, ни критических откровений. Что-нибудь о нем как о человеке.

Вспомнил: он был нашим, так сказать, тухумным кунаком, часто бывал дома, и нахлынули воспоминания. Но, помня о своих «грехах» – «Подражание Расулу Гамзатову («Мой Дагестан»)», подумал, может быть, сумею что-то выдать. А там было следующее:

«Абуталиб сказал: предисловие к книге – это то же «бисмиллах», которым мусульманин заслоняется от злых духов, прежде чем начать работу.

Содержание

Сквозь огонь и воду...	5
Жизненные истории	9
Чарыки уводят в путь	27
Так началась моя жизнь	29
Чарыки уводят в путь	30
Крыло Джабраила	45
Рассказ подмастерья о том, почему он три раза в один год наелся досыта	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Абуталиб Гафуров
Абуталиб сказал...
А записал Расул
Гамзатов (сборник)

© Абуталиб Гафуров, наследники, 2009

© В. А. Солоухин, наследники 2009

© И. М. Алиев, предисл., 2009

© Издательский дом «Эпоха», 2009

СКВОЗЬ ОГОНЬ И ВОДУ...

Меня попросили написать предисловие к книге народного поэта Дагестана Абуталиба Гафурова. Я, откровенно говоря, вначале растерялся: не литературовед, не критик, поднаторевший в этом, чего, мол, это они хотят от меня? Меня прижали: ты лично с ним был знаком, нам не надо ни литературоведения, ни критических откровений. Что-нибудь о нем как о человеке.

Вспомнил: он был нашим, так сказать, тухумным кунаком, часто бывал дома, и нахлынули воспоминания. Но, помня о своих «грехах» – «Подражание Расулу Гамзатову («Мой Дагестан»)), подумал, может быть, сумею что-то выдать. А там было следующее:

«Абуталиб сказал: предисловие к книге – это то же «бисмиллах», которым мусульманин заслоняется от злых духов, прежде чем начать работу.

И все же не встречал предисловия короткого, как «Бисмиллах». И не думаю, что под злыми духами Абуталиб имел в виду критиков».

И вот, отрекшись от титулов объяснителей содержания книг, решил все же произнести недлинное «бисмиллах».

Абуталиб был человеком мудрым, но очень простым. Первое, что пришло в голову, как, когда его от Лакского округа избирали депутатом Верховного Совета республики, моя мать, провожая его на встречу с избирателями, сказала:

– Какое счастье выпало тебе, Абуталиб!

– Бадиржамал, – ответил он. – Ты же знаешь лакскую поговорку: «Черный ишак лягнул – в рай попал». Тот ишак, который меня лягнул, был без единого седого волоса и вдобавок одурманен овсом. Поэтому так далеко закинул меня.

Этим почти все сказано.

Биографию его пересказывать нет необходимости – он всех в своих новеллах очень остроумно поведет по тропам и дорогам, трудным и поучительным, которыми он шел – от погонщика телят до поэтических высот народного поэта.

Отношение к себе и к своим поэтическим творениям у него тоже было весьма скептическим. Естественно, человек, наделенный ярким чувством юмора, не мог не посмеяться и над собой. Вспоминаю случай на заседании правления Союза писателей. Выступая в прениях, один из поэтов начал учить, как надо писать стихи. Абуталиб, не выдержав менторского тона коллеги, что-то пробурчал в усы.

– Что сказал Абуталиб? – спросил председательствующий Расул.

Тут вскакивает сидевший рядом с Абуталибом Омаргаджи Шахтаманов:

– Абуталиб сказал...

– Падажди, Омархажи, падажди, – перебивает его старейшина. – Расул говорит: «Абуталиб сказал», ты говоришь: «Абуталиб сказал», дай мне, я сам скажу...

Тирада завершилась всеобщим смехом. А поэт сказал:

– Нельзя указывать поэту, как писать стихи, потому что

они рождаются в сердце. Откуда знать другому биение сердца моего. Ты пиши по стуку своего сердца, а я – по своему стуку.

Короче говоря (вспомнив о коротком «бисмиллах»), Абу-талиб прошел сквозь огонь, воду и медные трубы. Сейчас есть довольно распространенный анекдот, как один новый дагестанец сказал: «Прошел сквозь огонь и воду, а медные трубы сдал в цветмет».

Свои подражания «Моему Дагестану» Расула Гамзатова я завершил шуткой, как Абуталиб жаловался Леониду Соболеву: «Я рассказываю, а Расул выпускает книги». Говорят, на это Л. Соболев ответил: «Дело сделано. И ничего нельзя изменить, как говорят на Востоке, когда отрубают голову не тому, кому надо. Васалам, вакалам!».

Медными трубами Абуталиба пользуются ныне все, кому не лень.

Дай бог, чтобы только на пользу.

Иззет Алиев

**Жизненные истории
и истории с Абуталибом,
рассказанные Расулом Гамзатовым**

Одного человека освободили от должности. Вскоре Абу-талиб встретил его на свадьбе. «Освобожденный», который раньше держался очень важно, целый день пел, танцевал, балагурил. Абуталиб сказал:

– Какой хороший человек пропадал столько времени.

* * *

Один посредственный актер начал писать стихи и даже издал сборник. Абуталиб сказал:

– Это он играет роль поэта. Но играет, как и все другие роли, очень плохо.

* * *

Нескольких писателей позвали в горы на праздник. Писатели запаслись подарками и спросили Абуталиба:

– Ты, наверно, тоже не поедешь с пустыми руками?

Абуталиб сказал:

– Как можно?! Я возьму с собой жену, детей, некоторых родственников. Что может быть дороже человека?

* * *

Встретились Абуталиб и издатель, который попортил по-эту немало нервов. Абуталиб сказал:

– Смотри-ка, ты успел поседеть.

– Но ведь и ты, Абуталиб, давно седой.

– Я-то поседел через тебя, а почему поседел ты, непонятно.

* * *

Один поэт сильно расхвастался при Абуталибе. Абуталиб сказал:

– Слушай, одолжи мне хоть на миг свои мысли.

– Зачем?

– Чтобы я хоть на миг подумал о тебе так же хорошо, как ты думаешь о себе всегда.

* * *

По улице шел посредственный поэт с очень красивой девушкой. Абуталиб сказал:

– Кому в любви не везет, тот пишет очень хорошие стихи. Кто не умеет писать стихи, тому, как видно, везет в любви.

* * *

Шел разговор о мастерстве. Абуталиб сказал:

– О незаметном, маленьком, неизвестном нужно рассказать подробно и ярко. О ярком, большом и известном – в двух словах.

* * *

Абуталиба пригласили в ресторан. Абуталиб сказал:

– Не люблю длинных, растянутых стихотворений. Люблю четверостишья, пословицы, древние изречения. Им уподоблю небольшой уютный духан. В ресторане надо болтать, в

духане – говорить, в ресторане общий для всех оркестр, в духане – своя песня, в ресторане – публика, в духане – люди.

* * *

Занимающий важную должность человек растолстел. Когда должность освободилась, стали думать, кого бы теперь на нее поставить. Абуталиб сказал:

– Нужно найти самого тощего человека.

* * *

Выступая на совещании молодых писателей, Абуталиб сказал:

– Я родился, конечно, давно. Ваши бабушки бегали тогда еще девочками. Поэтому вы вправе говорить, что я устарел и мои понятия устарели. Но человеческое умение устареть не может. Управлять ослом труднее, чем автомобилем. Починить разбитую тарелку труднее, чем оборвавшийся электрический провод. Написать четверостишье труднее, чем длинную критическую статью.

* * *

По радио передавали новые стихи Абуталиба. Жена не

слушала, хлопоча по хозяйству. Абуталиб сказал:

- Почему не слушаешь стихи? Это же я.
- Как будто я тебя первый день знаю.
- Но это новый я. Такого меня еще не было.

* * *

В издательстве книгу Абуталиба перенесли на следующий год. Абуталиб сказал:

- Помню, Эффенди Капиев записал то, что я говорил в беседе с ним, и сразу издал. Расул Гамзатов записал то, что я ему говорил, и сразу издал. Когда сам хочу издать свои мысли, переносят на следующий год.

* * *

После премьеры спектакля у Абуталиба спросили, понравилось ли ему. Абуталиб сказал:

- Четвертый акт был очень хорош.
- Но в спектакле было всего лишь три акта.
- Как? А банкет!

* * *

В Союзе писателей обсуждался вопрос подготовки к но-

вой декаде литературы. Абуталиб сказал:

– Я помню, мы обсуждали вопрос о декаде несколько лет назад. Неужели декада еще не кончилась?

* * *

Молодого писателя послали в командировку, чтобы он написал очерк о доярке. Вместо того чтобы писать очерк, писатель похитил доярку и женился на ней. Его стали обсуждать. Абуталиб сказал:

– Красивая была горянка?

– Красивая и передовая.

– Как он ее сумел похитить?

– В багажнике автомашины.

– Ну, во-первых, тут связь литературы с жизнью, а во-вторых, новаторство. Раньше ведь похищали на коне. Старому содержанию писатель сумел придать новую форму.

* * *

Абуталибу рассказали об одном поэте, который сначала давал свои стихи перевести на русский язык, а потом стихи, улучшенные переводчиками, снова переводил на родной язык и печатал. Абуталиб сказал:

– Я был лудильщиком и паяльщиком. Поэтому я знаю, что

паяется и лудится только дырявая посуда.

* * *

Один писатель получил звание, орден и несколько должностей. Абуталиб сказал:

Теперь тебе созданы все условия для того, чтобы ты не смог больше писать.

* * *

Абуталиб встретил своего бывшего односельчанина в милицейской форме. Абуталиб сказал:

– От меня требуют социалистического содержания и национальной формы. А вот, пожалуйста, – социалистическая форма и национальное содержание.

* * *

Обсуждался вопрос формы и содержания. Абуталиб сказал:

– Когда я был молодой, о женщинах судили по красоте. Раньше, отрезать женщине косу или обесчестить ее, одно и то же.

* * *

Союзу композиторов и Союзу писателей отвели одно общее здание в центре города. Абуталиб сказал:

– Так много бездельников под одной крышей? Это – слишком.

* * *

Речь шла о молодых писателях, которые сразу принимаются за большие поэмы и за романы. Абуталиб сказал:

– Что ж, бывает, что и пожилые и умудренные женщины увлекают в свои сети неопытных юнцов.

* * *

О том же Абуталиб сказал:

– Я, когда учился лудильному искусству, начинал с мелких вещей. С ложки, с кружки, с тарелки. Только потом осмелился взяться за большие аульские котлы, необходимые в дни больших праздников.

* * *

О критиках Абуталиб сказал:

– Всем хорош народ, только не понимают шуток.

* * *

Речь шла о литературном труде. Абуталиб сказал:

– Маленький зверек, пойманный на суровой горной вершине, дороже медведя или барса, убитого на задворках аула. Разве может быть в одной цене хлеб, выращенный на степном черноземе, и хлеб, выращенный нашими горцами на камнях? Я был нищим. Это было не трудно. Я был лудильщиком. Это было не трудно. Я был зурначом. Это было не трудно. Всего труднее для меня поэзия. И всего дороже.

* * *

Об одном молодом поэте Абуталиб сказал:

– Наверное, из него ничего не выйдет. Свои первые стихи он привез в редакцию на машине.

* * *

Один молодой поэт отпустил бороду. Абуталиб сказал:

– Слушай, зачем тебе борода?

– Лев Толстой тоже носил.

– Вот не знал, как просто стать Львом Толстым.

* * *

Я пришел к Абуталибу в номер гостиницы «Москва». Он стоял у окна, смотрел на многолюдную улицу большого города и был очень грустен. Увидев меня, Абуталиб сказал:

– Все хорошо. Есть кровать, есть стол, есть бумага, есть карандаш, есть звонок позвать официанта, есть даже деньги, как это ни странно. Одно только плохо: нет молодости, Ра-сул. И никогда не будет.

* * *

На улицах Махачкалы долгое время не ходили электрические часы. Абуталиб сказал:

– Если бы по этим часам протекла моя жизнь, я бы никогда не состарился и успел бы сделать все, что задумал.

* * *

Один писатель болезненно реагировал на всякое слово о нем. Абуталиб сказал:

– Если бы я был врагом этого человека, я бы не делал для него ничего другого для мести, кроме как распускал бы о нем нелепые слухи.

* * *

Чтобы угостить Абуталиба, поставили на стол слишком маленькие рюмки. Абуталиб сказал:

– Из этих рюмок пить все равно, что слушать плохие стихи. Ушам слышно, а до нутра не доходит.

* * *

Утром Абуталиб застал меня за чтением «Литературной газеты».

– Вот пишут, как бы уменьшить шум в больших городах. Абуталиб сказал:

– Лучше бы этой газете подумать о том, как уменьшить бессмысленный шум в литературе.

* * *

Одного поэта отправляли учиться в Литературный институт. Когда он уже сел в самолет, подбежал запыхавшийся, запоздавший Абуталиб:

– Подождите его отправлять. Я хочу у него спросить.

Все расступились.

– Ты сидел хоть раз на осле?

– Не сидел.

Тогда Абуталиб сказал:

– Пустая затея. Из человека, который никогда не сидел на осле, настоящего горского поэта все равно не получится.

* * *

Играли в шешбеш. Плохой игрок благодаря удачному броску камня вдруг выиграл. Абуталиб сказал:

– Так и в жизни: один – умелый, другой – везучий. Стоит ли огорчаться?

* * *

Одна поэтесса расскандалилась, когда покритиковали ее стихи. Абуталиб сказал:

– Каждая теща думает, что ее дочь достойна лучшего мужа, чем ей достался.

* * *

В московской газете резко раскритиковали молодого поэта. Абуталиб сказал:

– Что же теперь будет с нашими молодыми поэтами?

– А что?

– Известно: в Москве рубят ветку – у нас рубят дерево. В Москве рубят дерево – у нас целый лес.

* * *

Заметив у одного писателя испачканный костюм, начали судить о том, что, должно быть, у него невнимательная жена. Абуталиб сказал:

– Она с утра очищает его карманы. Где же ей подумать, чтоб почистить еще и сам костюм.

* * *

Однажды я рассказал Абуталибу, что в Индии есть люди, которые, играя на флейте, заставляют танцевать ядовитых змей. Абуталиб сказал:

– Музыка всесильна, Расул. Наши чабаны, играя на свирелях, заставляли танцевать горных туров. Самые осторожные звери подходят близко к человеку, если слышат музыку. Один раз я видел, как под музыку танцевали на канате медведи. От музыки ярче разгораются звезды, воскресают люди, а на снегу расцветают живые цветы. Со мною лично был такой случай. Ты знаешь, что я любил играть на зурне. Для меня это самый прекрасный инструмент. Где заиграет зурна, туда и спешат люди. Если играет зурна, значит, произошло что-то хорошее. Или родился сын, или свадьба, или конь получил приз на скачках. Зурна – это главная дагестанская музыка. В молодости она кормила меня. Сколько горцев танцевало под мою зурну, подобно тому как теперешние поэты готовы писать стихи на любую музыку. Так вот, шел я однажды со своей зурной на свадьбу в далекий аул. Дело было зимой. Дорогу занесло снегом. Идти было трудно. Я очень устал и сел отдохнуть на камень. Вдруг появился на дороге богатый фаэтон, запряженный парой лошадей. Одна лошадь вся белая, у другой – белые залысины на лбу. В фаэтоне подвыпившие веселые люди. Богатеи.

– Асалам алейкум.

– Ваалейкум салам.

– Далеко едете?

– На свадьбу.

– И я на свадьбу. Возьмите меня.

Однако ехавшие в фаэтоне поступили так же, как посту-

пают теперь некоторые шоферы. Да еще и посмеялись надо мной. Один из них крикнул:

– К следующей свадьбе успеешь!

Тогда, разозлившись, я достал зурну и начал играть. Давно я так не играл. Лошади, услышав зурну, остановились как вкопанные. Сколько ни бился кучер, сколько ни стегал их по спинам, они только перебирали ногами на одном месте. Ехавшие на свадьбу подступали ко мне с угрозами, и тогда я прекращал игру. Но едва люди садились в фаэтон, едва лошади трогались, я начинал снова. Долго продолжался наш спор. В конце концов меня посадили в фаэтон, и я приехал на свадьбу не как нищий зурнач, но как богатый человек. Вот что такое музыка!

Абуталиб помолчал и добавил:

– Жизнь без музыки – это все равно, что журавли без их крика или журавли без их крыльев. Если бы журавли только кричали, не летали бы высоко в небе, они не были бы журавлями. Если бы они только летали, а не кричали бы пожуравлиному, они тоже не были бы журавлями. Так и жизнь без музыки.

* * *

Я спросил у Абуталиба, как случилось, что он, умеющий играть на всех дагестанских инструментах: и на зурне, и на свирели, и на кумузе, и на лале, умеющий обращаться и с

бубном, совсем не играет на чагане. Ведь чаган – любимый инструмент горцев. Абуталиб рассказал:

– В юности я играл на чагане, но потом бросил. Вот как было дело. Однажды в нашем ауле поселился чужой человек. Он приехал из Аварии, спасаясь от кровной мести. Поселился он, конечно, на краю аула, на отшибе и, как видно, сильно страдал. Люди к нему не ходили, и он тоже ни к кому не ходил. Так и жил в одиночестве. Я тогда уже знал немного по-аварски. Я решил проведать беднягу, ободрить его и утешить. С собой я захватил чаган. Отверженный сидел около очага, в котором горела солома. Пожалуй, не солома ли варилась и в котелке. Я сыграл на чагане несколько песен. Аварец сидел и слушал. Потом он взял вдруг у меня инструмент, настроил на свой лад и заиграл. Он играл так, что до сих пор я не могу забыть его игры. Чаган рыдал в его руках, как женщина, полная скорби. Там было все: и скорбь, и любовь, и мольба, и обида, и тоска, и надежда, и боль, ужасная боль. Огонь едва горел, а мы сидели и оба плакали под звуки чагана. Я оставил ему свой инструмент и ушел домой. Мелодии горестного горца долго звучали в моих ушах. Часто я бродил вокруг его сакли, чтобы хоть издали послушать необыкновенную музыку. Наконец, я сделал вот что: я поехал в его Аварии, нашел его кровников и привез в свой аул. Я привел их к сакле музыканта и заставил слушать, как он играет. Три дня мы ходили под окна сакли и слушали. На четвертый переступили порог.

«Мы тебя прощаем, – сказали кровники музыканту. – Собирайся, поедешь с нами домой». Вот что такое музыка. Уезжая, он хотел вернуть мне чаган, но я не взял. Я понял, что так, как играет он, мне не сыграть никогда. А музыка, как и стихи, вещь такая: или делай хорошо, или не делай совсем. Вот почему я до сих пор не играю на чагане.

* * *

На репетиции пел Татам Мурадов. У него был редчайший голос. Ему было шестьдесят лет, но он не имел никакого музыкального образования. Тут же на репетиции присутствовала знаменитая певица Большого театра. Все мы увидели на ее глазах слезы.

Татам Мурадов тоже был взволнован тем, что растрогал московскую певицу. Однако в перерыве она сказала:

– Я плачу от жалости. Оттого, что человек с таким голосом не имел возможности учиться. Весь мир восторгался бы им теперь, если бы с самого начала, с юности, он попал в руки хороших учителей.

Услышав эти слова, Абуталиб сказал:

– Вы говорите не только про Татама Мурадова, но и про других дагестанских певцов, про дагестанских поэтов, про все дагестанское искусство. Вы говорите о самом Дагестане. Сколько он мог бы дать миру, если бы с самого начала, с юности, мог учиться.

Чарыки уводят в путь Зарисовки, рассказы, притчи

Так началась моя жизнь

Родился я в селении Шуни. Отец мой Аб-дул-Кафур всю свою жизнь работал на чужих людей. Бедность была неразлучна с нашей маленькой саклей, и как сейчас вижу я голые стены родного очага, покрытые копотью от дыма.

Отец мой был женат дважды. Первая жена, не стерпев горемычного житья, ушла, сказав: «Не нравится мне у тебя. Неудачник ты!»... Она оставила отцу двух маленьких девочек. Плохо пришлось моему отцу. Ни одна женщина из нашего села не хотела войти в наш убогий дом. Крепко намалялся отец, пока нашел-таки в соседнем селении жену, такую же, как и сам, беднячку. Звали ее Аминат. Это и была моя мать...

Время шло, и вот нас в сакле оказалось восемь маленьких ртов, и каждый рот полон крепких зубов, всегда готовых работать. Я был самым младшим.

Чуть мы подросли, пошли помогать соседям: кто принести воды, кто понянчить ребенка. Смотришь, сжалются добрые люди и дадут черствый ломоть чурека и кусочек сыру... Так началась моя жизнь.

Чарыки уводят в путь

Из-за горы появлялись лучи восходящего солнца и освещали все окрестные вершины.

Белые облака на склонах гор были похожи на кучи хлопка или ваты. Они мирно лежали, словно еще не проснулись.

А я в это время, одетый в куртку из серого местного сукна, заплатанную где белыми, где черными заплатками, в полуистертой папахе, с белыми пятнами там, где вытерлась шерсть, с сумкой через плечо, ремешок которой связан уже двадцать раз двадцатью узлами и в которой лежало на донышке немного толочка, я в это время пас телят и ослов на южном склоне горы, немного повыше нашей сакли.

Ноги мои тогда от постоянной ходьбы были похожи на самую грубую сыромятную черную кожу. Никто не узнавал, обут я или нет, разве только в тех случаях, когда я нечаянно спотыкался о камень и на ногах у меня выступала кровь.

Вечером, когда я возвращался домой, моя мать, присев у коптилки, заправленной черной нефтью, старалась иголкой вытащить из моих ног накопившиеся за день занозы, а потом из разбитого кувшина смазывала мои ноги все той же нефтью.

Мать очень любила меня. Никто не считал меня за что-нибудь стоящее и путное, кроме одной-единственной матери.

Однажды я стоял на горке и смотрел на свой аул. У ворот нашего дома я увидел привязанную лошадь и удивился.

Чей это конь
Там привязан сейчас?
Кто же нашелся,
Кто вспомнил о нас?

Приближался вечер, то и дело слышалось кудахтанье куропаток. Над аулом, над теми домами, где готовили горячий ужин, поднимался дым.

Когда я вернулся домой, я увидел нашего гостя. Он сидел на земляной скамейке и тихим голосом мирно беседовал с отцом. Он был подпоясан ремнем с серебряными пуговками и с кинжалом. На затылке, где обычно у людей бывает ямочка, у него, как у быка, был мясистый выступ. Хотя в его волосах уже появилась седина, щеки его были румяны. Хотя он беседовал с отцом, но его глаза взглядывали в мою сторону. Я сидел поодаль.

Отец казался довольным, но мать была чем-то озабочена, сидела, опустив голову и углубившись в свои невеселые мысли.

Через некоторое время гость встал, сел верхом на лошадь и уехал в Кумух. Однажды утром я проснулся от сильного стука и встал с циновки. У края крыши я увидел отца. Деревянным молотком он колотил кусок телячьей шкуры, стараясь ее размягчить. На локте его в такт ударам развевался

лоскут рваной рубахи.

Мать упрашивала отца бить свою телячью шкуру на улице, так как от ударов качались обветшавшие стены сакли.

Отец сшил чарыки с черными полосками прилипших волос, с белыми пятнышками кожи, выскобленной ножом, и сказал, чтобы их смазали нефтью.

Потом я увидел, что мать в изодранном голубом платке, накинутом на голову, сидит за починкой моих штанов и рубахи. У нее по впалым щекам из больших черных глаз текли слезы. Рядом, на земляном уступе, сидел отец. Он сказал, обращаясь ко мне:

Теперь тебе стукнуло
Десять лет,
Пора поглядеть
И на белый свет.

В сакле окажется
Меньше ртом.
Хлеб заработаешь
Честным трудом.
Сам понимаешь,
Какая семья,
Всех прокормить
Неспособен я.

С детства освоишь
Ты ремесло,

В жизни тебе
Будет светло.

Слушая отца, я подумал:

Так вот что за конь
Там привязан был.
Так вот что за гость
Про нас не забыл.

Впервые в жизни надел на ноги чарыки из телячьей шкуры. Радостно я вышел в них на дорогу и пошел вместе с кузнецами в сторону Грузии. Гость, приехавший к нам, выпросил меня у отца и взял к себе подмастерьем. Мастеров-кузнецов было четверо, а лошадей только две. Мастера сменялись: двое шли, двое ехали. А я шел непрерывно в своих новых чарыках. Мы шли по Аварии. Мы шли по скалистым тропинкам, по лесным дорогам, по берегам речек. Мои чарыки размокли под дождем, стали большими и осклизлыми. Они болтались на ногах и только мешали мне идти.

То в детстве случилось,
А будто вчера.
Меня от гибели
Лошадь спасла.

О том, что случилось,
Без лишних прикрас

Сейчас поведу я
Короткий рассказ.

Уже от аула
Прошли мы немало.
Наш путь пролегал
По утесам и скалам.

Утесы до неба,
Вверху облака,
Внизу же под нами
Грохочет река.

И было мне страшно —
Скажу, не солгу,
Опасность грозила
На каждом шагу.

Чарыки размокли,
Сейчас упаду.
Я лошадь хозяина
Вел в поводу.

Я дальней дорогой
Был так утомлен,
Что начал меня
Одурманивать сон.

Но важно и грозно

Пыхтел надо мной
Румяный хозяин
С седой бородой.

Когда я споткнулся,
Забывшись во сне,
Нагайкой огрел он
Меня по спине.

И крикнул, и зычно
Меня обругал,
Но драная куртка
Смягчила удар.

Тут было, по совести,
Мне не до сна.
От плетки тяжелой
Болела спина.

Пошел я быстрее,
Решив не дремать,
Но тягостный сон
Навалился опять.

Чарыки скользят
По тропинке крутой.
Тогда я себя
Опоясал уздой.

Идем по обрыву,
Утесы вокруг,
Нога соскользнула,
Я падаю вдруг.

С утеса, с обрыва
Лететь бы мне вниз,
Над пропастью я
На уздечке повис.

Когда бы и лошадь
Шагнула ко мне,
Костей не собрать бы
На каменном дне.

Но лошадь добра
И смыслена была
И шейей, как краном,
Меня подняла.

Стою я опять
На тропинке крутой,
Хозяйская плетка
Свистит надо мной,

Хоть вижу, что он,
На спине у коня,
Сейчас перетрусил
Не меньше меня.

Когда бы и лошадь
Шагнула ко мне,
Всем вместе б валяться
На каменном дне,

Где воеет река
Непокорно и зло.
Уж семьдесят лет бы
С тех пор утекло.

Долго мы шли вдоль реки, поднимаясь все выше. Река становилась все уже и меньше. Наконец она превратилась в ручей, который мы без труда перешли, а вернее, перешагнули.

Постепенно мы дошли до такого места, где одни ручьи текут в Грузию, а другие – в Аварию. Гора Бажан находится как раз на границе с Грузией. Родники, бьющие на нашем склоне горы, текут к нам, а на другом склоне горы текут к грузинам.

У подножья горы Бажан путники располагались на ночлег караван-сараем, дожидаясь других спутников, чтобы всем вместе идти через высокую гору. Поодиночке и малыми группами боялись подниматься по склонам горы: в окрестных лесах водилось много медведей. Собирались собратья отрядом не меньше тридцати человек, а тогда уж и трогались в путь. Проснувшись рано утром, путники начинали подниматься к перевалу и достигали его только к вечеру. Наверху росли такие толстые деревья, что в их стволах выдалбли-

вались хижины, где многие располагались на ночлег. Снова просыпались рано утром и начинали спускаться уже в долины Грузии. Грузинские долины показались мне по сравнению с нашей суровой Аварией низкими, теплыми и богатыми.

Итак, после девятидневного пути я оказался в грузинском городе Телави. Я думал, что все люди живут здесь на широкую ногу, но в первый же день увидел, что и здесь некоторые ходят в лохмотьях. Вообще же одевались там люди так: на ногах чупяки, на голове войлочные шляпы или башлыки. Видел я также, к своему удивлению, что некоторые мужчины ходят с кувшинами за водой. Встречались и такие, у которых постоянно накрыты столы, а бокалы наполнены вином. Многие отрастили себе животы, подобные бочкам.

Целый день я проводил в мастерской. С одной стороны – большие мехи, куча древесного угля, кадка с водой для закалки кинжалов. На другой стороне – тиски, напильники, разные молотки и молоточки для придания кинжалам необходимой тонкости.

Умел разводить огонь,
Умел раздувать я мех,
Но если делал не так,
Били меня при всех.

Было мне десять лет,
Не хватало силенок мне.

Хозяина злые глаза
И сейчас я вижу во сне.

Здесь я понял, почему невесела была мать, провожая меня из дома.

Хозяева искали в дальних селениях приметливых, здоровых и бойких детей, обманывали уговорами и ласками их бедняков – родителей, забирали в подмастерья, нагружали их непосильной работой, а потом, выжав все соки, отправляли назад к родителям.

В мастерской я узнал, что такое железо, что такое сталь, как придать им мягкость, гибкость или твердость, как сталь закалить, как ее отпустить. Всему этому я научился за один год, но сам стал похож на весь источившийся точильный камень. Поэтому меня не пустили больше к кинжальщикам, а оставили дома.

Вот какова была
Первая школа моя.
Глядя теперь на детей,
Радуюсь сердцем я.

Вот для чего старик
Тянет рассказа нить:
Чтоб жизнь свою и мою
Дети могли сравнить.

Наступила весна, а я оставался дома. Солнце обогрело южные склоны гор, и на них зазеленела трава. Я тоже немного поправился и окреп. Вся наша семья в сборе. Отец чинит хуржин и разговаривает с матерью о необходимости отправиться куда-нибудь на заработки. Мои сестры сидят за обработкой шерсти и тихо беседуют друг с дружкой – они радуются тому, что скоро появятся в горах разные съедобные травы.

В эту весну мы с отцом отправились в село Костек, чтобы готовить саман. Мать, как всегда, проводила нас до склона горы.

В Костеке я научился месить саман, а возвратившись оттуда, взял палку и пошел пасти аульских овец.

Разгуливая с баранами по горам, я научился свистеть и все больше совершенствовался в этом деле.

Пасти овец гораздо легче, нежели пасти ослов. Овцы сразу оборачиваются, если свистнешь или крикнешь на них, даже издалека, а тем более бросишь камешком. Ослу же хоть из пушки пали над ухом, он и не шелохнется, пока не подойдешь и не ударишь его палкой по спине.

Я научился высвистывать любимый мотив Магалли. Это был старый чабан. Он пас овцематок на соседней горе. Я его очень любил за то, что он играл на свирели. Магалли и показал мне место, где можно срезать для свирели камыш.

Я пробрался туда по узкому и крутому месту, делая ножом ступеньки, чтобы поставить ногу. Там я срезал камыш для

свирели. Мои бараны разбрелись по склону горы. Одни стояли, другие щипали траву, иные лежали. Я стоял, опершись на палку, на высокой горе. Мне были видны все окрестные места. Я играл на свирели.

Звук моей свирели был слышен в ближайших аулах. Ко мне приходили молодые девушки и парни, устраивали под свирель танцы и веселились. Молодежь полюбила меня за то, что я играл на свирели.

Из аулов приходили ко мне молодые люди и приглашали в свои компании, чтобы я им играл, пел и рассказывал что-нибудь интересное.

Хотя богатые родители ругали своих сыновей, наказывали им, чтобы они не общались со мной, не сидели рядом со мной, но чтобы общались с богатыми и сидели рядом с богатыми, все же сыновья богатых родителей приходили и сидели рядом со мной, не исполняя наказ отцов, ибо они были молоды, а молодость любит веселье.

Однажды меня пригласили на свадьбу в соседний аул. Собралось много людей. Молодежь обрадовалась моему приходу, и меня усадили на видном месте. Недалеко от меня сидели муллы. У них были белые руки и белые, чистые лица. Сидели они около самых лучших блюд.

Им не понравилось, что молодежь была довольна и рада моему приходу, что молодежь ждала меня. Они сидели как на иголках. Они привыкли, что все их уважали и чтили. Им трудно было перенести, что есть место, где, кроме них, ува-

жают еще и других, а тем более бедного пастуха.

Распорядитель приказал мне выпить бокал вина и спеть песню. Я выпил и запел:

Придет весна на просторы полей,
Зима отпрянет назад.
Компанию добрых, веселых людей
Я песней поздравить рад.

Молодежь после этих слов закричала «ура» и зааплодировала мне. Но муллы нахмурились, не кричали, в ладоши не хлопали. Один мулла спросил, сам ли я сочинил эту песню или от кого-нибудь научился?

– Эту песню я узнал от чабана Магалли. Но если захочу, то и сам могу сочинить.

Муллы пошептались по-арабски. Один из них, оказывается, был певец. Ему тоже захотелось спеть, чтобы затмить бедного пастуха. Распорядитель объявил, что сейчас мулла будет петь свою песню.

Пришел на свадьбу пастух,
Который пасет овец.
Кто слушает песни его,
Тот самый последний глупец.

Прежде чем песни петь,
Научись за столом сидеть.
Чем орла воспевать стихом,

Научись кричать петухом.

Молодежь опять закричала и захлопала, захлопал и я. Но мне не понравилось, что мулла пустил в меня стрелу. Я решил ему ответить и запел снова:

Пусть у орла
Грозен полет.
Пчела мала,
Но приносит мед.

Пусть у орла
Грозен полет.
Но от орла
Только помет.

Молодежь захлопала еще громче, кто-то закричал: «Да здравствует новый певец!» Тогда мулла встал и набросился на меня с кулаками. Парни задержали его и не допустили, чтобы он меня побил. Тогда оба муллы поглядели на свои часы на золотых цепочках и покинули свадьбу.

Распорядитель сказал:

– Муллы только мешают в хороших и веселых компаниях. Без них спокойнее и проще. Пусть себе идут на другую свадьбу.

Все засмеялись и бросились пожимать мне руку, провозглашая новым певцом.

В этот день мне отец сказал:

– Думал, что из тебя получится человек, знающий ремесло. Но, видно, напрасны были мои надежды. Из тебя получился не мастер, а всего лишь певец на свадьбах.

Крыло Джабраила

Пришла весна. На склонах гор, обогретых солнцем, зазеленела трава. Потолок в нашей сакле блестел от сажи и копоти. Черные гроздья сосулек свисали с потолка там и тут. С сосулек капали черные капли. Мои сестры старались найти такое место, где на них не капало бы. Они перебирали и теребили свалывшуюся за зиму шерсть из матраса и весело мечтали:

– Скоро появится в горах нувши¹.

А для меня весна означала, что скоро мы отправимся с отцом куда-нибудь на заработки. И действительно, вскоре отец мне сказал, что завтра пойдем в Костек и наймемся месить саман. Мать проводила нас до противоположного склона. Она бросилась обнимать меня и сказала:

– Да будет дорога удачной! Да будете вы укрыты подолом пророка и крылом Джабраила!

В Темир-Хан-Шуру мы пришли очень поздно. Знакомых там у нас не было. Мы стали искать ночлег. Один хромой человек сжалился над нами и сказал:

– Идите со мной, я пущу вас, переночуете у меня.

У него у самого была одна комната с сырым полом. Тут же находились горн, мехи и разные инструменты, целая гора ведер, ожидающих ремонта. Рядом – солома для постели,

¹ Нувши – съедобная трава.

прикрытая сверху паласом, и доска, служащая перегородкой между постелью и остальной частью дома. Под потолком, на стенах, всюду висела паутина, такая толстая от дыма и сажи, что годилась бы на веревки. Хромой хозяин посадил нас на старые ведра и стал готовить ужин на горне, раздувая его мехами. После ужина стали укладываться спать. Хозяин достал еще один палас, чтобы было чем укрыться. Края паласа были подогнуты и зашиты, чтобы не поддувало сквозь бахрому. Палас был даже украшен вышивкой. Но пахло от него словно от старого пьяницы. Отец, который был не чувствителен к запахам, и тот сказал, что палас словно облили уксусом. Тем не менее мы все улеглись рядком и накрылись этим паласом. Хозяин, как бы поняв, что палас показался нам грязным, виновато проговорил:

– Укрыться необходимо. А то к утру будет холодно, вы простудитесь.

– Скажите хоть, как звать-то вас, добрый человек? – спросил отец.

– Меня зовут Джабраил.

Тогда я быстро повернулся к отцу и прошептал:

– Утром, когда мать провожала нас, она сказала, чтобы нас укрыло крыло ангела Джабраила. Ее молитва услышана богом. Он исполнил ее просьбу. Вот нам Джабраил, вот нам и крыло Джабраила – этот роскошный палас.

Все засмеялись. Я и сам засмеялся. Но все же второй раз ночевать под таким крылом я бы не хотел.

Рассказ подмастерья о том, почему он три раза в один год наелся досыта

Однажды, после того как мы с отцом кончили месить саман, я бродил по базару в Кумухе. Я остановился около медника, торговавшего своей посудой, и залюбовался его изделиями. Кувшины горели, как солнце, но больше всего меня удивляли разные узоры и линии на них, нанесенные молоточком чеканщика. Я долго стоял около кувшинов, и медник заметил меня.

Оказывается, он нуждался в подмастерье, поэтому ласково и обходительно со мной заговорил. Он расспросил меня, кто я, откуда и чем занимаюсь? Что я умею делать?

– Ходил с отцом в Костек, и там мы заготовливали саман. А сейчас ничего не делаю и не знаю, чем бы заняться.

– Тогда тебе повезло. Как раз мне нужен подмастерье. Скоро мы отправимся в Дженгутай. Если согласен идти с нами, назови свою цену и собирайся. Мы научим тебя делать такие же кумганы, кувшины, тазы. Мы сделаем из тебя хорошего мастера.

Я отправился в Дженгутай, договорившись работать подмастерьем за двадцать рублей в год.

В Дженгутае, кроме моего хозяина, было еще пятнадцать медников, имевших свои мастерские, и у каждого было по два подмастерья. Все они были чумазые, потому что с утра до

ночи терли медь. Стук молотков в этих мастерских начинался с раннего утра и заканчивался к одиннадцати вечера. Мастера стучали молотками, а подмастерья скоблили, чистили, оттирали. Пот капал на тряпку, которой подмастерье оттирал медь.

Ночью, когда заканчивались работы, еще труднее, чем медную посуду, приходилось отмывать свои руки. Не скоро из-под зеленой окиси и черной окалины появлялась белая кожа рук.

Мастера хвалили только бывших своих подмастерьев. Только и слышно было, что такой-то подмастерье, который умер, был проворным, такой-то старательным, такой-то мало ел. О нас, живых подмастерьях, никто не говорил, что мы старательные, честные, не жалеем сил, нас только ругали. Если совсем уж нечего делать, заставят очищать наковальню, лишь бы не сидели сложа руки. Больше всего мастера боялись, как бы мы не научились их делу.

Муку на хинкалы они всегда выдавали сами, боясь пересыпать лишнего. Один подмастерье рассказал мне, что в прошлом году он был сыт только три раза. Первый раз в праздник байрам. Второй раз, когда мастер сварил котел хинкалов, но в это время пришли дальние почетные гости, и пришлось готовить для них лучшую еду, а котел уже готовых хинкалов отдали подмастерьям. В третий раз он был сыт потому, что понесла лошадь. Но это целая история. Подмастерье рассказал эту историю так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.